

В.А. Маслова (Витебск)

ЯЗЫК И НАРОД: НАРОДООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

Исследование языковых явлений во взаимосвязи с сознанием, мышлением, духовной жизнью и культурой человека, его национальной психологией и историей позволяет по-новому представить наиболее значимые проблемы современной лингвистики. Мы полностью солидарны с позицией В.И. Постоваловой, которая считает, что антропологическая программа изучения языка выдвигает на первый план проблемы, касающиеся раскрытия взаимосвязи человека и его языковой активности; проблемы соотношения языка и духовной деятельности человека, языка и мышления (сознания), языка и ценностей человека, языка и культуры, языка и познания, языка и общества и т.д. (Постовалова 1995, с. 343).

Наблюдения над языком позволяют понять глубину национального сознания, которое есть по своей сути языковое сознание. Именно язык позволяет обнаружить радикальную смену культурных ориентиров, культурных кодов, которые формируют человека, его мировидение и характер. Доказано, что в языковых единицах отображена ментальность человека во всем многообразии ее проявлений.

Язык загадочен и уникален не только своей глубиной, но и своей народообразующей способностью. В самой системе языка есть механизмы самосохранения, самозащиты и саморазвития. Он есть креативная сущность, т.к. человек получил от Бога возможность творить посредством слова. По Библии, именно Слово станет главным свидетелем на Божьем Суде: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Евангелие. Мф. 12: 36–37). Ничто из услышанного и сказанного не проходит мимо человека, оно оставляет на нем печать, некое подобие матрицы, хранящейся в самых потаенных глубинах памяти. Слово – это как бы «зарубка», которая метит не предмет, не явление, а некий смысл, связанный с этим явлением, тем самым оно заряжает энергией предмет, делая его своим, познанным, определяет его место в своем бытии, ибо слово – «максимально напряженное осмысления бытия» (Маковский, 1996, с. 40).

Каждый новый носитель языка формирует свое видение мира не на основе самостоятельной переработки своих мыслей и переживаний, а в рамках закрепленного в понятиях языка опыта его предков, который зафиксирован в мифах и архетипах. Особенно значимы, например, для белорусов мифы о природе.

Специфика восприятия природной среды русскими и белорусами хорошо просматривается сквозь призму ассоциаций. В качестве слов-стимулов нами были взяты важные концепты славянской ментальности – *поле*, *даль*, *душа*, *судьба*, *тоска*, *удаль*, *воля* (Сукаленко, 1992), а также *лес* и *река*. Так, в русской культуре *поле* ассоциируется с признаками “раздольное”, “чистое”, “красивое”, оценочными словами “радость”, “воля” и др. Национально-культурная специфика *поля* у белорусов представлена в номинациях “праца”, “пот”, “надзел”, “жытняе”, “васількі” и т. д.

Лес и река русскими осознаются прежде всего как место отдыха: на стимул *река* наиболее частыми были ответы “солнце”, “прохлада”, “купаться”, а на слово-стимул *лес* получены реакции “густой”, “зеленый”, “дремучий”, “темный”, “шумит”. Для белорусов и *лес*, и *река* являются неотъемлемой частью их повседневной жизни: *лес* вызывал реакции “ягоды”, “грибы”, “звери”, а *река* – “рыба”, “вода” и др.

Собранные нами в ассоциативном эксперименте языковые факты позволили подтвердить выдвинутую философами (А.А. Брудным и другими) гипотезу: **отношение людей к природе есть превращенная форма их отношения друг к другу**. Она универсальна для большинства языков и примером могут служить многочисленные метафоры, доказывающие, что видение природных явлений становится метафорическим: *солнце садится*, *листья шепчутся*, *дождь идет*, *погода капризная*; *цвяты гавораць*, *рэчка стогне пад льдом* и др. Почти за каждой из этих метафор – миф, мифологема, архетип. Например, *слепой дождь*. В Полесье существует несколько

групп поверий об этом дожде (Азимов, 1983). *Слепой* потому, что не видит, как светит солнце; слепота в мифологиях ряда народов свидетельствует об особой магической силе (Мифы народов..., 1982).

Метафорический подход к природе традиционно связывают с антропоморфизмом – особым взглядом на мир сквозь призму человека. Относящиеся сюда метафоры, как правило, недолговечны, они быстро стираются, т.е. перестают восприниматься как метафоры и прочно входят в язык, в культуру. Данные метафорические номинации приводят к быстрому угасанию образа, это подчеркивает Н.Д. Арутюнова, когда пишет об идентифицирующих метафорах.

Белорусский язык дает богатейший материал по метафорам данного типа. Так, *бярозы трасуць лісцем, лісце шапацела, дожджэ шапатаў, ліпы стогнуць, мароз шчэрыцца, мяцель грае, холад запусціў сваю ледзяную руку, хваляў хор* и др. Таким образом, “природные” метафоры этого типа одинаково хорошо представлены и в русском, и в белорусском языках, хотя в их номенклатуре встречаются различия. Так, русский фразеологизм *радужные мечты* трудно перевести на белорусский язык даже описательными средствами, ибо в белорусском языке “работает” иная внутренняя форма (ВФ), а следовательно, иные смыслы (по-белорусски радуга – *вясёлка*). Для русских радуга – это красивое явление, которое не может быть плохим, а потому оно усиливает и расцвечивает “хорошее” слово *мечты*, с радугой у русских связаны “хорошие” мифы, как объясняла Э. Тайлор, “...мифология примитивных обществ опирается по преимуществу на реальную и осязательную аналогию” (Тайлор, 1989, с. 138).

Мир природы входит в язык и другим путем - с помощью “обратной метафоры”. Для восточнославянского обыденного сознания и языка характерны факты, в которых явления природы, природные стихии используются для описания духовного мира человека, его поведения, внешности: *мора бяды, мора слёз, адлягло ад сэрца, рэкі крыві*. Однако, большинство подобных метафор остаются пока авторскими, окказиональными. Например, *давялося сербануць ліха* (В. Быков), *свет душы* (М. Богданович), *здрада гняздзіцца* (Я. Купала), *крыўда каменем лягла* (Я. Купала), *голас зямлі, стогн пушчы, бары трасуцца помстаю* (Я. Колас).

Не становясь языковыми, антропоцентрические метафоры создают особый поэтический мир, в котором живет белорус:

Каханне ў сэрцы гэтак сеяў,

А жаць прыйшлося пракляцце (Я. Купала).

Праталіны баюць казкі (Я. Купала).

Поле смяецца (М. Богданович).

Антропоцентрические метафоры играют важную роль в членении действительности, в построении языковой картины мира. Сопоставляя такие метафоры, мы делаем выводы о многих психологических и социальных явлениях, например, о том, какие реалии действительности устойчиво

связываются ассоциациями в сознании членов языкового коллектива и, соответственно, как бы получают новое имя.

Язык дает нам основание видеть связь с далекими явлениями, в мире никак не связанными, но глубоко сидящими в ментальности народа. Так, снег – это *белые мухи* (ср. выражение *до белых мух*, т.е. до зимы).

Следовательно, язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает и формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре.

Человек стоит в центре языковой картины мира как начало отсчета всех категориальных координат языка и как мера языковой картины мира.

Следует обратить внимание на то, что при антропологическом подходе к изучению языка эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека. Существует несколько подходов к решению проблемы учета антропологической природы языка и способах строить науку о языке на антропологических основаниях.

Развивая данное гумбольдтовское направление, мы пришли к выводу, что мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. При этом важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира.

По Л. Гумилеву, существует этническое поле, которое имеет присущий только ему ритм. Этот ритм задает пассионарность, которая есть "биохимическая энергия живого вещества биосферы", она также активно формирует национальный характер. Динамика характера формируется под влиянием динамики внешней действительности, проявление тех или иных черт зависит не только от опыта, но и от требований, предъявляемых человеку в данный момент, от ситуации, в которой он находится и даже от географии его проживания.

Но и язык связывает людей в нацию/этнос. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения (Сукаленко, 1992), т.е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Национальный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира. Совокупность значений языка составляет единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» (Апресян 1995, с. 39). Поэтому, как сказал французский исследователь К. Ажеж, «лингвистика, изучая самое человеческое, что есть в человеке, никак не может быть замкнутой областью знания...» (Ажеж 2003, с.42).

Итак, язык имеет социальную природу, зависит от мировоззрения человека, содержания и характера его деятельности, от общества, в котором человек живет и действует, от активного взаимодействия с другими членами этого общества. Но и человек зависит от языка, который формирует его душу и сознание. Отсюда важность сохранения национального языка.

Литература

1. Ажеж, К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М., 2003.
2. Азимов, Э.Г. Из полесской народной метеорологии. Слепой дождь / Э.Г. Азимов // Полесский этнолингвистический сборник. – М., 1983.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // ВЯ. – 1995. – № 1.
4. Евангелие от Матфея // Евангелие. – М., 1992.
5. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
6. Мифы народов мира. Т. 1–2. – М., 1980–1982.
7. Постовалова, В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания / В.И. Постовалова // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 341 – 420.
8. Сукаленко, Н.И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н.И. Сукаленко. – Киев, 1992.
9. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М., 1989.